

Сработало без промаха. У Дуань Цзинсяня просто не имелось причин для отказа: мальчишка совершенно откровенно капризничал и ластился.

В его холодном, безучастном взгляде на мгновение мелькнула мягкая тень, тут же утонувшая за привычной ледяной маской. Сжав ладонь Чи Юцина, Дуань Цзинсянь присел на край койки.

— Выписку ты ещё не получил, так что формально всё ещё больной. А заболевшим детям полагаются привилегии. Хочешь, чтобы погладили, — пожалуйста. Ложись.

— А? — Чи Юцин замер, смахнул быстрым морганием подступившую влагу, и его лицо тут же просветлело, точно солнце после дождя. Он послушно улегся и тихо проворчал: — Я давно не ребёнок. К тому же...

Дуань Цзинсянь приложил ладонь к его груди, мягко поглаживая около сердца, и спросил:

— Что «к тому же»?

Юцин лишь улыбнулся в ответ, умалчивая продолжение. Привилегии только для больных детей? Ну нет, этого мало. Ему нужно нечто большее — особое отношение Дуань Цзинсяня. И вовсе не из-за возраста или приступа болезни.

Оба умолкли. В палате воцарилась умиротворяющая тишина. Чи Юцин перевёл дыхание и окончательно успокоился. В этом чужом мире он, безусловно, и сам бы быстро встал на ноги. Но отыскать подобную эмоциональную опору — куда приятнее. Он умел жить в одиночку, да только душой всё равно тянулся к теплу. Ему хотелось чуткости, предназначенной исключительно для него одного.

Ему хотелось достать с неба именно эту луну.

В последние дни Юцин изучал материалы. О Дуань Цзинсяне отзывались как о человеке жёстком, бескомпромиссном — настоящем деспоте. Но очутись овечка в логове волков без зубов и когтей, её сожрут с потрохами, она и пикнуть не успеет. На вершине власти без железной хватки и острого ума не выжить: чтобы держать в страхе свору хищников, нужна подавляющая сила.

И всё же...

Юцин вгляделся в профиль мужчины. Тот сохранял невозмутимое спокойствие, словно ничто в мире не способно выбить его из колеи. Но в уголках глаз, в едва заметном движении бровей сквозила сдержанная мягкость и уступчивость — в те редкие мгновения, когда он смотрел на Юцина.

Взять хотя бы эту просьбу, явно переходившую границы дозволенного.

Дуань Цзинсянь прекрасно видел, что юноша ластится, но не стал его разоблачать. Не просто позволил, а с готовностью пошёл навстречу. Честно говоря, Юцин не ждал такого: он лишь закидывал удочку, проверял почву... Учитывая тот поцелуй и их прежние натянутые отношения.

Не сводя глаз с лица Цзинсяня, юноша беззаботно заметил:

— Раньше я тебя на дух не переносил, а ты вдруг проявляешь такую терпимость... Я даже растерялся.

Рука Цзинсяня на мгновение замерла. Он встретил взгляд юноши с невозмутимым видом и продолжил поглаживание.

— Времена меняются. Натянутые отношения были с прежним тобой. Раз уж ты утверждаешь, что взялся за ум, я готов взглянуть на тебя иначе. Соответственно, и отношение другое. Послушный, смыслённый племянник, который не прочь сделать шаг навстречу «деспоту и тирану», — с чего бы мне от него отказываться?

Чи Юцин ухмыльнулся, прищулив глаза. А ведь в этом есть логика.

Значит ли это, что Дуань Цзинсянь вовсе не чурается близких отношений, просто рядом не было подходящего человека? Единственный родной брат по отцу и матери — законченный бунтарь, и их стычки выходили куда паршивее, чем выходки прежнего владельца этого тела.

И надо же такому случиться: появился он.

Кто он такой? Явно не тот безмозглый, слепой от безответной любви недотёпа. Если Юцин захочет, он засияет так, что глаз не оторвать. А разыграть роль милого, заботливого племянничка — пара пустяков.

Младший дядя? Хм, они вполне могут выйти за рамки этих семейных условностей.

Когда Цзинсянь убрал руку, Юцин перехватил его ладонь своей и с небывалой серьёзностью произнёс:

— Не волнуйся, младший дядя. Я действительно изменился. И что бы ни случилось, отныне я буду относиться к тебе только с ответственностью и заботой.

—...Надеюсь на это.

Высвободив руку, Дуань Цзинсянь тихо добавил:

— Отдыхай. До завтра.

— Угу, до завтра!

Выйдя из палаты, Ся Лань всё ещё не могла прийти в себя от увиденного. Услышав приказ шефа, она опешила и ляпнула не подумав:

— Вы имеете в виду...

Дуань Цзинсянь шёл вперёд, не поворачивая головы, его голос прозвучал сухо и отстранённо:

— Отныне всё, что касается его, имеет для меня высший приоритет. Мне нужно разъяснить значение этих слов?

Наблюдая, как босс на глазах превращается обратно в привычную ледяную глыбу, Ся Лань поспешно открестилась: «Что вы, не нужно!», а про себя...

Про себя она уже не могла молчать!

В её душе бушевали бури. В мысленном списке важных задач имя Чи Юцина мгновенно взмыло с самых нижних строчек на самый верх и закрепилось там жирным шрифтом. Никаких предчувствий не требовалось — она была абсолютно убеждена: преобразившийся молодой господин Чи спровоцирует целую цепь оглушительных событий!

Если уж она, проработавшая под началом Дуань Цзинсяня несколько лет, оказалась в глубочайшем шоке, то что произойдёт с остальными?

Ся Лань ждала этого с нетерпением.

Возможно, для самого Дуань Цзинсяня эти перемены — к лучшему. Человек привык жить в одиночестве и взваливать всю тяжесть на свои плечи, но это не значит, что ему не хочется человеческого тепла. Как главный ассистент, она проводила с ним больше времени, чем кто-либо, и лишь пару раз краем глаза замечала проблески его глубинного одиночества.

Он походил на величественное, густое дерево, одиноко стоящее посреди бескрайней пустоши под падающим снегом. Совершенное в своей красоте — и бесконечно сиротливое.

Если Чи Юцин и впрямь берущий за душу человек... он мог бы стать отличным спутником.

И избавить Дуань Цзинсяня от кучи лишних хлопот.

Чи Юцин же, уладив вопрос с переездом и обеспечив себе стратегическое преимущество «близкого соседства», находился в прекрасном расположении духа.

Зайдя вечером в ванную, он взглянул на своё отражение и усмехнулся. До чего же удивительно: тот же лик, то же имя, тот же возраст, но совершенно иная судьба.

Свои первые годы он провёл в детском доме, пока его не усыновила богатая семья — лишь для того, чтобы у их родного сынка был компаньон. Приёмные родители прекрасно знали, что над ним издеваются, но предпочитали закрывать на это глаза. Однако Юцин не обладал кротким нравом. Живя из милости, он не собирался ни перед кем лебезить и сносить унижения: получая удар, он тут же давал сдачи.

Из соображений престижа опекуны не вернули его в приют, но их отношение окончательно охладело.

Он никогда не знал нормальной родительской любви, не имел рядом никого, кто бы о нём заботился, хотя втайне жаждал этого.

А что же прежний хозяин этого тела?

Мать умерла рано, но отец души в нём не чаял, баловал без меры — иначе откуда взяться такому спесивому нраву? Сюсюканий он получил сполна. И даже после смерти отца рядом оставался Дуань Цзинсянь. Хотя разница в возрасте составляла всего пять лет, тот опекал его так, как и подобало дяде: улаживал бесчисленные скандалы и тянул на себе всю заботу.

Жаль, что дурачок не ценил этого, пропускал наставления мимо ушей, постоянно строил козни против младшего дяди и в итоге сгнил на свалке истории.

Но теперь здесь он, Юцин. И он умеет ценить добро.

Прескучную жизнь повторить невозможно, да и незачем, но заманчивые перспективы разжигали в нём азарт. Если в этом мире удастся обрести драгоценное чувство — почему бы и нет?

Родственная связь и любовь ничуть не противоречат друг другу.

И сейчас ему хотелось узнать об этом человеке как можно больше.

Подобно айсбергу, видимая часть которого лишь верхушка, а неисследованная глубина скрыта под водой, Дуань Цзинсянь таил в себе нечто гораздо большее. Властность и неприступность — лишь внешняя оболочка. А что прячется в глубинах?

Юцин с предвкушением ждал дня, когда разгадает эту тайну.

На следующий день он, по своему обыкновению, проспал почти до полудня. Позавтракав, не спеша собрал немногочисленные пожитки. Вскоре за ним приехал Дуань Цзинсянь. На этот раз его сопровождала не ассистентка, а семейный дворецкий, сорокалетний Хэ Чжунсюй, взявший на себя роль водителя.

Расторопный и подтянутый дворецкий безупречно контролировал мимику, однако Юцин всё равно уловил исходившее от него изумление. Впрочем, юноша его понимал: прежний владелец тела с Дуань Цзинсянем едва ли не враждовал на смерть.

Лишь благодаря великодушию господина Дуаня всё не зашло слишком далеко.

В своё время, когда с родителями Дуаня случилась беда, отец Чи оказал огромную поддержку. Нынешняя опека Цзинсяня была скорей данью уважения прошлому. Что до детской дружбы — если пара капель и сохранилась, то совсем незначительных.

Впрочем, Юцина не волновало чужое мнение. Дуань Цзинсянь — не тот человек, чьи решения зависят от слухов или посторонних шепотков. Со временем отношение окружающих изменится само собой.

Хэ Чжунсюй действительно был поражён тем, что хозяин позволил Чи Юцину жить в поместье.

За десять лет службы в доме Дуань он ни разу не видел, чтобы господин проявлял к кому-либо подобное снисхождение. Даже к родному брату тот относился с суровой строгостью. А тут — к юноше, с которым они были в откровенно контрных отношениях... Невероятно.

Но оспаривать волю господина Дуаня никто не смел.

Едва встретившись взглядом с Чи Юцином, дворецкий понял: перед ним другой человек. Но насколько именно другой, он осознал лишь за ужином.

Изменился не только избалованный мажор с кашей в голове, но и сам ледяной Дуань Цзинсянь.

За время совместной трапезы эмоции Хэ Чжунсюя проделали путь от крайнего изумления до зыбкого смирения и искреннего облегчения. А когда после ужина Чи Юцин протянул руку, требуя, чтобы господин взял его за ладонь и прошёлся с ним по дому для знакомства с обстановкой, дворецкий окончательно выпал в осадок.

И смирился с неизбежным.

Спесивый транжира вдруг преобразился в шёлкового, лучезарного паренька: улыбается, говорит приятные вещи, даже подкладывает лучшие кусочки в чужую тарелку. А его обычно суровый хозяин? Не просто не остановил парня, когда тот забыл про общую ложку, а отнёсся к такой фамильярности с поразительным попустительством. Даже будто с удовольствием?

Дуань Цзинсянь смотрел на расправившего хвост юношу, кружащего перед ним, точно сказочный павлиний дух, и в его глазах, похожих на застывшее ледяное озеро, плеснулось живое тепло.

Словно последний отблеск зимнего солнца коснулся заснеженной ветви цветущей сливы.

Не взяв Юцина за руку, он спросил чуть понизившимся голосом:

— Ты же твердил, что уже не ребёнок. И что это за выходки?

Чи Юцин повёл плечами, покачал протянутой ладонью и с улыбкой ответил:

— Сегодня у нас эксклюзивный показ: режим «ребёнок» активирован ровно на полчаса! Посуди сам, дом огромный, я здесь редкий гость и правда боюсь заблудиться. У меня же топографический кретинизм!

—...Завтра дворецкий всё тебе покажет.

— Это не то!

— И в чём же разница?

Юцин подался вперёд, настойчиво подвинув ладонь ближе к Цзинсяню, и с преувеличенно серьёзным видом пояснил:

— Ты мне куда ближе! Если экскурсию проведёшь ты, сработает бонус за близость, и я запомню всё куда лучше!

Слушая эту сущую бессмыслицу, произнесённую с идеальным выражением лица, Дуань Цзинсянь невольно смягчил свой строгий, пронизательный взгляд.

Он развернулся и не спеша пошёл вперёд, избегая прямого контакта глазами:

— Раз уж ты зашёл так далеко, что готов признать себя ребёнком... Идём. Не могу же я отказать.

Он прекрасно понимал, что Чи Юцин сильно изменился. Но это не имело значения.

Люди взрослеют. Главное, что суть осталась прежней. Ласковый, тёплый щенок обрёл острые зубки и научился хитрить — что ж, тем лучше, на улице в обиду себя не даст.

Чи Юцин смотрел в спину Дуань Цзинсяня. Отсутствие рукопожатия его ничуть не расстроило — всё только начиналось.

К тому же... статный силуэт мужчины притягивал взор.

Пропорции фигуры Дуань Цзинсяня были безупречны: словом «загляденье» этого не передать. Плавная линия от плеч к талии, скрытая за безукоризненно скроенным тёмным костюмом, выглядела настолько подтянутой и изящной, что рождала искушение сделать пару шагов, обнять его со спины и прижать к себе.

Но пока рано.

Нельзя спугнуть добычу.

Он шагнул следом, произнеся с беззаботной смешинкой в голосе:

— Тогда заранее спасибо, младший дядя~

Цзинсянь коротко оглянулся. Юноша уже перерос его, шагал легко и непринуждённо. Он напоминал не столько павлина, сколько липучего щенка в ярких перьях, чей задор и непосредственность вызвали невольную симпатию.

Свидетель этой сцены, дворецкий Хэ Чжунсюй, остался стоять в полном недоумении.

Изумление не проходило.

Такой пылкий и экспрессивный нрав Чи Юцина совершенно не вписывался в их привычные представления. Более того, господин Дуань терпеть не мог подобного шума и нарушения границ!

Вечером, принеся в кабинет документы, дворецкий осторожно выразил своё замешательство. И ответ хозяина поверг его в окончательное молчание.

Холодный и неприступный гендиректор Дуань заявил, что этот гиперактивный юноша... милый.

Милый?!

Это что за странные оптические иллюзии? Чистейший двойной стандарт!

Уловив подтекст, Хэ Чжунсюй сделал выводы. Времена изменились, и относиться к Чи Юцину по-старому больше нельзя.

Когда дворецкий ушёл, Дуань Цзинсянь присел на край кровати и взял в руки плюшевую панду, лежавшую на изголовье. Не выражая особых эмоций, он потеревил мягкие ушки игрушки, а спустя мгновение на его губах заиграла едва заметная улыбка.

Тихая, но глубокая волна нежности накрыла его с головой.

В спальне напротив Чи Юцин, вымывшись после душа, развалился на кровати с ноутбуком. Напряжение спало, и в его карих глазах вместо дневного радушия зажёгся холодный, сосредоточенный огонёк. Вся эта послушная ласка временно уступила место расчётливому уму.

Ведя переписку в сети, он параллельно обдумывал дальнейшие шаги.

Помещение под студию он уже присмотрел — прямо в бизнес-центре напротив Небоскрёба Дуань. Что до сотрудников, поиск подходил к концу: штаты раздувать не требовалось, главное — найти толковых специалистов.

Закончив дела, он захлопнул крышку ноутбука и откинулся на подушки, разглядывая узоры на потолке.

Его интересовали немногие вещи и люди. Но если уж он западал на что-то, то не выпускал из рук. Помеха? Злодей? Всё это осталось в старом сценарии. Он не собирался послушно следовать чужому сюжету — его жизнь принадлежит только ему.

Ну а теперь... младший дядя~

Приготовься.

И начнём мы прямо с завтрашнего утра. Юцин во что бы то ни стало хотел позавтракать вместе с Цзинсянем. Вчерашний ужин был лёгким, но невероятно изысканным. Сам Юцин в еде привередливостью не отличался, но правильный рацион шёл только на пользу.

Впрочем, дело было не в кухне. Ему просто нравилось проводить время рядом с Цзинсянем.

Когда перед глазами такая красота, и аппетит становится отменный.

Учитывая сбитый режим дня (хоть в больнице он немного выровнялся), подъём до восьми утра оставался для него сущей пыткой.

Но пропустить совместную трапезу в первый же день он не мог.

Поэтому он завёл с десятков будильников начиная с семи утра и после долгих мучений всё-таки успел к завтраку.

В столовой Дуань Цзинсянь бросил взгляд на юношу. Чи Юцин выглядел выспавшимся, но в его повадках сквозило явное раздражение. Похоже, отказ от утреннего сна дался ему нелегко.

Впрочем, Цзинсянь ожидал подобного: если Юцин вставал не сам или не выспался, у него проявлялся синдром утреннего ворчуна — даже взъерошенные вихры на голове, казалось, кричали: «Не подходи, убьёт!».

Настоящий ходячий пороховой погреб, которому не хватало лишь маленькой искры.

Жестом отпустив дворецкого Хэ, Цзинсянь спросил:

— Наступил на горло собственной лени?

Чи Юцин с задержкой в пару секунд покачал головой. Просчёт, дикий просчёт!

С сидевшим за столом каменным лицом он долго молчал. Тело-то до стола дошло, а мозг так и не загрузился. От сонливости опускались руки: не хотелось брать ни ложку, ни вилку, да и рот открывать ради еды казалось подвигом. Лишь присутствие Дуань Цзинсяня заставляло его сдерживать глухое раздражение.

Он слегка повёл носом, уловив аромат чёрного кофе из чашки Цзинсяня, расслабленно вытянул ноги и, завалившись набок, уткнулся подбородком в стол.

Указав пальцем на чашку, он пробормотал:

— Можно мне?

Цзинсянь хотел было возразить — раньше Юцин терпеть не мог горькое питьё, но вкусы меняются. К тому же заказывать для него новую чашку через дворецкого он не стал: поделиться напитком с молодым человеком не казалось проблемой.

— Пей, если хочешь.

Чи Юцин придвинул чашку и втянул запах. Свежесмолотый, ручной пролив — утончённый человек утончён во всём.

Заметив на запястьях и рукавах Цзинсяня другие запонки и часы, нежели вчера, Юцин понимал, что гардероб наверняка собирает дворецкий. Но воображение всё равно нарисовало картину: статный красавец стоит в гардеробной среди рядов аксессуаров и въедливо выбирает образ на день. Как ни крути, эта педантичность выглядела невероятно мило.

И уж точно не сухо.

Он сделал пару маленьких глотков. Горький, насыщенный кофе ускорил загрузку сознания.

Дуань Цзинсянь, уже закончив с завтраком, невольно замер, наблюдая за юношей, лежащим подбородком на столе. Тот выглядел слегка заторможенным, отстранённым, но удивительно покладистым.

Особенно привлекал ракурс: голова Юцина оказалась прямо под рукой Цзинсяня.

Так и подмывало погладить.

Мужчина поджал пальцы, взвешивая решение.

Как старший — пусть разница всего в пять лет, он всё же приходился ему дядей — разве зазорно потрепать по волосам послушного племянника? Исключительно ради того, чтобы сбить утренний сплин.

Судя по прошлому опыту, метод работал безупречно.

Спрятав эмоции за безучастным лицом — лишь в уголке глаза мелькнула едва заметная искорка, — Цзинсянь протянул руку и мягко провёл пальцами по волосам Юцина. Жестковатые, но приятные на ощупь.

Чи Юцин на мгновение застыл и поставил чашку.

Едва погладив его, Цзинсянь тут же убрал руку и, опустив взгляд к тарелке, невозмутимо напомнил:

— Ешь давай.

Юцин издал неопределённый звук и медленно выпрямился.

Вообще-то в то самое мгновение его обдало странным чувством дежавю. От Дуань Цзинсяня исходило уютom и удивительной близостью... Странновато. Наверное, они просто совпали характерами?

Но откуда у Цзинсяня эта сноровка?

В больнице он точно так же погладил его по голове. Сейчас, обдумывая это, Юцин понял: движение было привычным, въевшимся в подсознание, хоть и отзывалось лёгкой неуверенностью от долгого перерыва.

Опершись руками о стол, Юцин подался вперёд, приближаясь к лицу Цзинсяня. На его губах играла улыбка, но взгляд карих глаз стал глубоким и пристальным:

— А откуда такая ловкость, младший дядя?

Для любого другого в этом не было бы ничего подозрительного. Но для неприступного, холодного «недосягаемого цветка» подобный жест выходил далеко за рамки обычной симпатии.

Это была настоящая интимность.

С кем же он привык вести себя настолько близко? Юцину безумно захотелось это узнать.

Дуань Цзинсянь встретил его взгляд. Расстояние снова сократилось до предела, и он чётко разглядел тёмную волну, колыхнувшуюся на дне карих глаз.

Волчонок подрос. И стал чертовски внимательным.

Дыхание Цзинсяня на миг перехватило. Тихо переведя дух, он произнёс:

— Тебе показалось. Я не силен в подобных вещах и не люблю сближаться с людьми.

— О-о, «не люблю» не значит «не приходилось». Исключения есть всегда, — Чи Юцин сделал паузу на три секунды, после чего уголки его губ поползли вверх: — У младшего дяди завелся кто-то ещё?

— Что?

Дуань Цзинсянь на секунду лишился дара речи. Какой ещё «кто-то ещё»? Откуда? Да и почему

у Чи Юцина такое выражение лица... На что это он, чёрт возьми, намекает?!

<http://bllate.org/book/20021/1991454>